

К. И. Зубков

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ УРАЛО-КУЗБАССКОГО ПРОЕКТА

Урало-Кузбасский проект — от его ранних концептуальных набросков до реальных, состоявшихся результатов — обнимает собой целую эпоху, которая в развитии России во всех отношениях может считаться переломной. Этот перелом запечатлен не только в происшедшей в 1917 г. радикальной смене политического режима, но и в менее резко выраженном, разлитом по всем общественным порам предчувствии назревших преобразований самого государственного «тела» России — прежде всего ее территориально-экономической организации — в условиях обострившейся на рубеже XIX–XX вв. борьбы интересов великих держав. «Уплотнение» полностью открытого, уже поделенного и экономически активно осваиваемого мира придавало этому состязанию гигантский, измеряемый масштабами континентов и океанов, размах и совершенно новые формы, в которых стратегии политического господства над пространством ставились в полную зависимость от способности государств подчинить его своей экономической — точнее говоря, коммерческой и индустриальной — гегемонии.

В 1896 г. Д. И. Менделеев пишет о России как о стране со «средней» степенью промышленного развития, считая таковую все еще недостаточно соответствующей ее крайне уязвимому — «среднему» — географическому положению между плотно населенными, индустриально развитыми странами Запада и еще более многолюдными, вступающими на путь промышленного прогресса странами Востока (Япония, Китай, Индия). России, испытывающей возрастающее давление Запада и Востока, как считал ученый, «промышленный и всякий иной прогресс... обязательнее, чем множеству других стран».¹

¹ Менделеев Д. И. С думою о благе российском: избр. экон. произведения. Новосибирск, 1991. С. 147.

Мысль о том, что в наступающем XX в. внешнее могущество России на важнейших стратегических направлениях мировой политики целиком производно от роста ее экономики и культуры в географически выгодных узловых «сочленениях» ее огромной территории, иными словами — от создания внутренней «критической массы» развития, закономерно перетекающей во внешнеполитический активизм, разделялась политическими силами самых разных направлений — от консервативно-охранительного и либерально-прогрессистского до социал-демократического, становясь чем-то вроде общенациональной идеи. В 1908 г. князь А. Г. Щербатов, лидер монархическо-славянофильского Союза Русских людей, еще находясь под впечатлением от поражения России в войне с Японией, пишет о промышленном состязании великих держав как о настоящей позиционной войне за овладение перспективными рынками: «Россия на Дальнем Востоке боролась не с Японией, а с всемирной промышленностью, которая снабжала Японию деньгами, военными судами, оружием, продовольствием, научными данными и военными техническими указаниями германской армии и английского флота. Борьба с промышленными державами должна быть промышленной. Военная сила является только подспорьем промышленной организации и решающим условием в последнюю минуту».² «... Великий народ не может под угрозой упадка и вырождения “сидеть смиренно” среди движущегося вперед, растущего в непрерывной борьбе мира»,³ — писал в 1908 г. идеолог кадетов П. Б. Струве, подводя фундамент под свою концепцию «либерального империализма» как курса внешней политики России, основанного на мирном культурно-экономическом лидерстве. В 1899 г. марксист Владимир Ильин (В. И. Ульянов) публикует работу «Развитие

² Щербатов А. Г. «Обновленная Россия» и другие работы. М., 2002. С. 70.

³ Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Январь. Кн. 1. С. 145.

капитализма в России», в которой доказывает, что капитализм не может развиваться без «постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран». По Ленину, развитие российского капитализма «вширь», его движение на окраины — это набирающая силу прогрессивная тенденция, обещающая перспективу «еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем». Для Ленина вопрос о политической судьбе окраин и о российском суверенитете над ними — это целиком вопрос о темпах их вовлечения в орбиту влияния российского капиталистического рынка.⁴

Между тем на рубеже XIX–XX вв. отчетливо выявился такой лимитирующий развитие страны фактор, как *узость сложившейся территориальной базы промышленного роста*. Столь необходимый России рост фабрично-заводской промышленности для многих ее регионов представлял *совершенно новую* задачу развития, поскольку, по наблюдению Д. И. Менделеева, области «чисто промышленного, т. е. наиболее сложного и развитого, быта» в стране ограничивались окрестностями Москвы, Петербурга, Риги и Варшавы — немногих центров, выросших на путях тесного общения с Европой. На остальной территории страны можно было наблюдать «поучительное сочетание частей во всех периодах развития», в том числе громадных пространств, переживающих лишь начальные этапы экономической жизни (охотничий быт племен Крайнего Севера и Сибири, кочевой быт степных народов Азии, чисто аграрный тип экономики «в еще немалой части Великой, Малой и Новой России»). Коренное несовершенство территориальной организации российской экономики Д. И. Менделеев видел в тех же контрастных категориях, в каких его позднее представляли и советские экономисты: на одном полюсе — густонаселенные, оплодотворенные культурой и ранним приобщением к промышленному укладу области центра и севера Европейской России, на другом — еще только колонизируемые, малонаселенные, но богатые плодородными землями и природными ресурсами окраины (Юг, Кавказ, Урал, Сибирь). Движение промышленности на окраины с их земельным простором и громадными «запасами природных материалов»,

по Менделееву, не сводится к простому ее рассеянию по территории страны: исключительно удачное сочетание в новых районах всех основных факторов производства способно было сделать их промышленное развитие «наиболее плодородным и выгодным для всей страны», придать индустриальному прогрессу новое качество роста.⁵

Еще более решительно ратовал за расширение баз сосредоточения населения и промышленности в направлении географического центра России и за выравнивание культурно-экономических потенциалов ее европейской и азиатской частей известный географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Урал с его громадными естественными богатствами, по мнению географа, самой природой предназначен к превращению в «один из богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение для всей Российской Империи», и это его предстоящее развитие должно было стать «естественным и мужественным перемещением части центра тяжести нашей экономической и культурной жизни вслед за нашей колонизацией на восток».⁶ Это движение должно было служить начальным звеном построения *новой пространственной структуры* российской экономики, опирающейся на четыре новые колонизационные культурно-экономические базы — на Урале, Алтае, в горном Туркестане и Кругобайкальской области.⁷ Критическое усиление «срединных баз» экономики могло, по мнению В. Семенова-Тянь-Шанского, стать наилучшей гарантией сохранения позиций России как великой державы в условиях нарастающих международных угроз на ее западных и восточных границах.

Русско-японская война служила для современников ясным указанием на то, что провидчески начатое Александром III строительство Великой Сибирской железной дороги, связавшей коренную Россию с берегами Тихого океана «только одной парой рельсов», есть лишь начальная фаза необходимого в связи с обострившейся мировой борьбой заселения и промышленного обустройства

⁵ Менделеев Д. И. С думою о благе российском... С. 42, 44.

⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Предисловие к пятому тому // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 5: Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. IV.

⁷ Об этом подробнее см.: Гловели Г. Д. Геополитическая экономика в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в.). СПб., 2009. С. 170–175.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 595, 596.

пустынных восточных окраин.⁸ В поражении России слишком отчетливо сказалось, по образному выражению философа Владимира Эрн, почти физическое ощущение того, что в тылу русской армии «расстилалась чудовищная *пустота*, почти полный отрыв от “эфирного тела” России».⁹ Однако лишь немногие представители русской политической мысли, подобно П. Б. Струве, полагали, что поражение в войне, которая «велась на огромном расстоянии», «на далеком от седалища нашей национальной мощи море», требует радикальной перемены геополитического курса, что теперь «для создания Великой России есть один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, “выходящие” к Черному морю».¹⁰ (Как показали дальнейшие события, происходившее после 1907 г. перенесение главного вектора российской внешней политики на Балканы оказалось геополитическим миражом, еще вернее подведшим в 1914 г. Россию — с ее слабым и в этом направлении экономическим тылом — к государственной катастрофе¹¹). Уроки войны с Японией объективно подталкивали русскую общественную мысль к осознанию того, что новые раунды борьбы за Тихий океан и за расширение русского присутствия в Азии потребуют еще более активного и энергичного, чем прежде, промышленного и железнодорожного строительства на востоке страны. По оценке М. К. Бандмана, характер многих экономических начинаний, предпринятых Россией к началу XX в. (строительство Транссиба, организованные аграрные переселения на юг Сибири и Дальнего Востока, создание на востоке очагов горнодобывающей промышленности), сколь бы разрозненными они ни казались, ясно говорит о формировании уже в это время парадигмы «сдвига производительных сил на восток» и включения Сибири в хозяйственную систему страны.¹²

⁸ См.: Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. С. 200; Щербатов А. Г. Указ. соч. С. 262.

⁹ Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 344.

¹⁰ Струве П. Б. Указ. соч. С. 145.

¹¹ См. об этом подробнее: Зубков К. И. Азиатская политика России в позднимперский период: геополитический аспект // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1994. С. 16, 17.

¹² См.: Бандман М. К. Государственная региональная экономическая политика: веки, задачи и пути ее реализации в Сибири // Регион: экономика и социология. 1996. № 2. С. 36.

У большевиков эта тенденция нашла самое ясное и радикальное программное выражение: противопоставление индустриально развитой западной полосы Европейской России (Украина, Центрально-промышленный район, Ленинград) остальной территории страны, располагающей колоссальными природными ресурсами для промышленной экспансии, связывалось уже не просто с необходимостью поощрения естественного «расселения» промышленности, но в первую очередь с идеей «планомерного передвижения» центра промышленного производства на восток.¹³

Идеология «восточного сдвига», несомненно, находилась под мощным влиянием крепнущего «оборонного сознания», переплетающегося с экономическим национализмом. Сетования по поводу засилья иностранного капитала в русской промышленности в сознании многих представителей русской общественной мысли начала XX в. (включая А. Г. Щербатова и Д. И. Менделеева) непосредственно увязывались со стратегическими изъянами размещения ее основных мощностей в узкой приграничной полосе между Балтикой и Черным морем — часто в роли придатков западноевропейской экономики.

Госплановские разработки начала 1930-х гг., клеймя нерациональное размещение промышленности как историческую вину «монополистически загнивающего капитализма», подхватывали эту тему, охотно оперируя материалами дореволюционной статистики, которая доказывала, что, например, в 1908 г. в полосе до 100 км от западной границы России, в зоне возможного обстрела с моря, была расположена 1/3 довоенной обрабатывающей фабрично-заводской промышленности (в том числе более 2/5 металлообрабатывающей и 2/3 — химической), в то время как на Уральский и Западно-Сибирский районы, где размещалась значительная часть природных богатств страны, приходилось соответственно лишь 3,6% и 1,1% всей обрабатывающей промышленности.¹⁴ При этом опыт I Мировой войны, во время которой отдельные отрасли промышленности (химическая, металлообрабатывающая) — ввиду прекращения импорта — стихийно обратились за сырьем на восток

¹³ См.: Из материалов Уральского облплана о перспективном плане уральской части Урало-Кузнецкого комбината на 1932–1937 гг. [6 июля 1931 г.] // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 347, 348.

¹⁴ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 803. Л. 38–39.

России, служил самым сильным аргументом в пользу того, каким будет характер наступающей эпохи и какая территориальная организация промышленности должна ей соответствовать.¹⁵

Большевики, в силу самих условий своего прихода к власти, не могли не сделать упора прежде всего на милитарную составляющую геополитической «программы» русского буржуазного патриотизма, придав ей — ввиду резко обострившейся конфронтации с капиталистическим Западом — силу безусловного императива. В фокус большевистской политики Урал и Кузнецкий бассейн как база стратегического отступления советской власти попали уже весной 1918 г., когда В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому пришлось отчаянно балансировать между двумя нависшими угрозами — германского наступления на западе и поддерживаемого Антантой японского — с востока. По воспоминаниям Л. Троцкого, сценарий этого отступления виделся Ленину так: «Отступим дальше, на восток, на Урал... Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь... Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширится и вернемся в Москву и Петербург».¹⁶ Нелишне заметить, что именно в этой чрезвычайной обстановке весны 1918 г. рождались ленинские идеи о новой «материальной основе крупной индустрии», которая может возникнуть на базе гигантских запасов руды на Урале и каменного угля — в Западной Сибири.¹⁷ Позднейшая советская историография сделала эти идеи канонической, вневременной основой советской доктрины размещения производительных сил, во многом игнорируя именно экстренный, *военно-оборонительный* контекст их зарождения.

С этого времени геополитическая мотивация подспудно присутствовала во всех разработках, касающихся Урало-Кузнецкого проекта, — даже в тот период, когда они упирались в чисто экономическую проблему вы-

бора региональных приоритетов капиталовложений, отвечавших оптимальным темпам и результативности политики индустриализации. В возобновившейся борьбе между украинским Югом и Уралом за приоритеты развития на стороне последнего было множество аргументов, но все они, как убеждали «украинцы» во главе с проф. Я. Б. Диманштейном, относились не к реальным практическим предпосылкам, а к области «промышленного мифотворчества». В 1925 г. оппонент Я. Диманштейна уральский экономист Н. Березов мог убедительно доказывать лишь то, что развитие коксовой металлургии на Урале на привозном угле Кузбасса если еще не состоялось практически, то вполне созрело с точки зрения умственного настроения, отразившись уже в дореволюционный период в десятках докладных записок, инженерных предложений, постановлений съездов советов торговли и промышленности и т. п.¹⁸ В этой ситуации обеспечить решительный перевес в пользу реализации Урало-Кузнецкого проекта мог прежде всего учет геополитических соображений. По-видимому, этот принципиальный поворот советского руководства в сторону геополитики состоялся за три–четыре года до XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) и XVI партконференции (апрель 1929 г.), где в полную силу продолжалась бурная полемика между сторонниками «украинского» и «уральского» вариантов индустриализации. Еще в июле 1925 г. И. В. Сталин в письме В. М. Молотову, подчеркивая стратегическую роль удаленных от границ регионов, писал: «Я думаю, что при выработке строительной программы новых заводов следовало бы учесть, кроме принципа приближения заводов к сырью и топливу, еще два соображения: смычку с деревней и географически-стратегическое положение новых заводов. Наш основной тыл Урал, Поволжье, Черноземный юг... именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных осложнений. Поэтому именно в этих районах надо развить промышленное строительство».¹⁹

Исторически это не первый случай, когда укрепление обороноспособности страны вы-

¹⁵ Там же. Л. 40.

¹⁶ Троцкий Л. Д. О Ленине: материалы для биографа. М., 1924. С. 88, 89.

¹⁷ Об этом подробнее см.: Зубков К. И. Геополитические мотивации формирования Урало-Кузнецкого проекта: вызовы 1918 года // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Новосибирск, 2010. С. 45.

¹⁸ См.: Березов Н. К вопросу о перспективах развития уральской металлургии на кузнецком топливе // Хозяйство Урала. 1925. № 12. С. 74–80.

¹⁹ Письма И. В. Сталина — В. М. Молотову. 1925–1936 гг.: (Сб. документов). М., 1995. С. 30, 31.

двигалось в качестве важнейшего аргумента политики размещения промышленности. Однако, в отличие от дореволюционных уральских примеров, где ссылки на интересы обороноспособности страны обычно маскировали стремление местных деловых кругов привлечь внимание правительства к тяжелому положению региональной промышленности, советские подходы связывали с геополитической мотивацией более широкий горизонт и глубину преобразований.

Как доказывает американский экономист И. Коропецкий, в советском случае геополитическую мотивацию нельзя сводить исключительно к мероприятиям, которые отвечают текущим целям укрепления обороноспособности страны. Анализируя советский опыт региональной экономической политики, И. Коропецкий отмечал, что в специфически советском понимании геополитические соображения сводились не столько к попыткам построить территориальную систему экономики, которая была бы неуязвима для концентрированных ударов потенциального военного противника, сколько к стремлению создать на ее основе такую «композицию регионов», которая бы через соответствующее распределение экономического и человеческого потенциала была способна усилить *общую обороноспособность* страны против *любого* потенциального противника.²⁰ Очевидно, что эти установки предполагают существенно разные целевые ориентиры: в первом случае задача сводится к достаточно простому *запрету на размещение* в приграничных районах стратегически важных промышленных объектов, во втором — к размещению их в таком территориальном порядке, который бы учитывал убывающий с расстоянием эффект военной угрозы.

Второй решительный поворот к доминированию геополитики над экономикой — уже не при выборе приоритетов, а при реализации самого Урало-Кузнецкого проекта — произошел, по-видимому, в 1930–1932 гг. Немецкие экономисты А. Каргер и К.-Х. Либманн в этой связи обратили внимание на «импровизационный» характер постановле-

ния ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета» (15 мая 1930 г.), которое было принято явно запоздало — тогда, когда выполнение планов первой пятилетки шло уже полным ходом. Вторая особенность этого партийного решения — отсутствие в нем сколько-нибудь явной координации программы Урало-Кузбасса с другими проектами пятилетки.²¹ За то, что реализация Урало-Кузнецкого проекта осуществлялась именно в таком ненормальном режиме политического форсирования, говорит и весьма симптоматичное решение заседания Президиума Госплана СССР, принятое в 1932 г., по следам решений XVII партконференции и в порядке обсуждения директив второго пятилетнего плана. На этом заседании тотальному идеологическому разгрому были подвергнуты все «буржуазные» и «ревизионистские» теории размещения производительных сил, в число которых попала не только теория «штандорта» А. Вебера, но и концептуальные разработки советских экономистов С. В. Бернштейн-Когана, С. С. Бессонова, Н. И. Бухарина, Н. Н. Баранского по проблеме Урало-Кузбасса. Огульному шельмованию подверглось фактически все, что тогда создавало препятствия для форсирования Урало-Кузнецкого проекта, связывая рациональное размещение промышленности с необходимостью оптимизации производственных затрат и, в особенности, транспортных издержек — самого «больного» и уязвимого пункта в реализации проекта. Под занавес этой идеологической кампании последовал оставивший почву всякого экономического расчета волюнтаристский вердикт: «Исходным, решающим принципом размещения промышленности в СССР является задача построения социализма в нашей стране».²²

Сыграв выдающуюся роль в изменении географии индустриального потенциала СССР и в укреплении его геостратегического могущества, Урало-Кузнецкий проект с полным правом может быть отнесен к числу самых противоречивых проектов в советской истории. Вбирая в себя с дореволюционного времени объективно назревшие потребности усовершенствования территориальной организации российской промышленности, Урало-Кузбасс вместе с тем внес в советскую

²⁰ Koropeckiy I. S. Industrial Location Policy in the U.S.S.R. During the Postwar Period // Economic Performance and the Military Burden in the Soviet Union. A Compendium of Papers submitted to the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Joint Economic Committee, Congress of the United States. Washington, 1970. P. 267.

²¹ Karger A., Liebmann C.-C. Sibirien: Strukturen und Funktionen ressourcen-orientierter Industrieentwicklung. Köln, 1986. S. 14.

²² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 803. Л. 40–43, 44.

практику решения экономических проблем совершенно новое и в определенные моменты более важное, чем собственно экономика, измерение — *геополитическое*. Вне его учета

как императивной стратегии выживания не может быть адекватно осмыслено политико-экономическое своеобразие программы «строительства социализма в одной стране».

Ключевые слова: *Урало-Кузбасс, геополитика, стратегия, индустриализация, размещение промышленности, обороноспособность*

GEOPOLITICAL MOTIVATION AND IMPLEMENTATION OF THE URAL-KUZBASS PROJECT

The article describes the geopolitical reasoning underlying the development and implementation of the Ural-Kuzbass project by means of examining the ideas and plans going back to the pre-revolutionary period in relation to the attempts of a radical transformation of the assets placement model in the Russian industry. The author demonstrated that during the Soviet period the project implementation lived through at least two critical development periods, when the geopolitical motivations clearly dominated over the economic reasoning and arguments.

Konstantin I. Zubkov